

УДК 165

Виктор Ополев

ФЕНОМЕН МЫШЛЕНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ИДЕАЛА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Статья вторая

Спираючись на три точки зору або трактовки раціональності, сформульовані у попередній статті під тією ж назвою, розкриваються передумови та умови раціональності мислення. Мислення при цьому розглядається як особливий об'єкт пізнання та організації.

Ключові слова: мислення, раціональність, прийняття рішень, рефлексія, пізнання.

Опираясь на три точки зрения или трактовки разума, сформулированные в предыдущей статье с тем же названием, раскрывается ряд предпосылок и условий рациональности мышления. Мышление при этом рассматривается как особый объект познания и организации.

Ключевые слова: мышление, рациональность, принятие решений, рефлексия, познание.

Leaning against three points of view or the treatments of reason formulated in previous article with the same name, a number of preconditions and conditions of rationality of thinking reveals. The thinking is thus considered as special object of knowledge and the organisation.

Keywords: thinking, rationality, decision-making, a reflexion, knowledge.

Человек – существо, стремящееся быть разумным.

Природа подчиняется законам, которые она нарушить не в состоянии. И это делает ее познаваемой и предсказуемой, говоря иначе, рациональной – отвечающей основным требованиям разума. В этом заключается одна главных мировоззренческих установок естественнонаучного познания [2; 13]. Цель настоящей статьи – показать те предпосылки и факторы, которые делают рациональным человеческое мышление, в том плане, который сближает его с объектами, изучаемыми естественными науками. Эти факторы разнообразны, поэтому в данном случае речь пойдет только о некоторых из них. Но вместе с тем в статье намечается перспектива и обозначается путь дальнейших исследований. Мышление при этом понимается не только как индивидуальный, но и как коллективный (общественный) феномен [11]. Методологической основой исследования рациональности его выступают при этом три основные трактовки разумности, охарактеризованные мною ранее [6].

Большая часть используемой здесь терминологии, кстати сказать, была нами взята как наиболее часто употребляемая в соответствующих контекстах, но она отнюдь не является единственно возможной.

Рациональность мышления: поиск оснований

Две из указанных выше трактовок разумности, которые мы различаем, используя для этого термины «свойство» и «способность», будучи включенными в «стихию» научного мышления, в некоторых достаточно типичных для современной исследовательской практики ситуациях оказываются существенно *взаимосвязанными*. Эта взаимосвязанность заключается в том, что они, *во-первых*, начинают взаимно обуславливать одна другую, теряя при этом свою, так сказать, изначальную обособленность и характерную для них специфику, *во-вторых*, их взаимодействие детерминирует появление определенных изменений и процессов в методологическом самосознании как науки в целом, так и отдельных научных дисциплин. Но происходит все это именно под воздействием известных ситуаций, условия возникновения и характер протекания которых мы теперь и рассмотрим.

Понимание рациональности, как возможного свойства вещи, может быть отнесено ко всему, что существует, и что в принципе может стать в тех или иных условиях объектом познания. Трактовка же ее в качестве способности, напротив, связывается только с некоторыми, определенными сущностями: речь в данном случае идет о мышлении, действиях, поведении или о духовности вообще. Однако эти, последние, могут рассматриваться также и в плане присущей им устойчивой, законосообразной организации (формы), что относится к предпосылкам и условиям их познаваемости. Таким образом, одна и та же вещь может определяться как разумная или неразумная с точки зрения двух различающихся интеллектуальных позиций. При этом данные позиции, будучи отнесенными к одному и тому же объекту, нередко, как это, скажем, хорошо известно в связи с науками о мышлении и поведении людей, оказываются в той или иной степени в отношениях несовместимости, в логическом смысле либо в каком-то ином. Например, в хорошо известном и подробно описанном в литературе отношении так называемой несоизмеримости.

Утверждая это, мы имеем в виду следующее. Разумность, понимаемая в качестве способности, во многих случаях оказывается тем фактором, который разрушает устойчивость формы и законосообразность того явления (процесса или объекта), к которому она оказывается «причастна». Если ее саму в свою очередь рассматривать в качестве особого объекта познания, то она в этом случае сближается по некоторым характеристикам со случайностью и даже хаосом, то есть теми сущностями, которые менее всего отвечают, как принято считать, идеалам и нормам в первую очередь

естественных наук и базирующейся на них теории и методологии познания. В этом – одна из причин тех трудностей, с которыми постоянно сталкиваются науки «о духе», и та основа, благодаря существованию которой возникают различные виды агностических выводов и методологического скептицизма.

Вместе с тем науке известны, по меньшей мере, *два* пути, следуя по которым ученые пытаются преодолевать указанное затруднение. *Первый* из них связан с поиском или конструированием таких форм устойчивости и типов связей изучаемого объекта, используя которые можно было бы игнорировать фактор сознания. В качестве примеров в этой связи можно указать на такие направления исследований – как бихевиоризм в психологии, метод «черного ящика» в кибернетике, различные варианты, предусматривающие отказ от изучения единичных объектов в пользу рассмотрения массовых событий, подходы к изучению человека и общества, связанные с механицизмом и социальной физикой, методологию, требующую сведения целевых описаний к каузальным и др.

Второй путь, представляющий для данного исследования особый интерес, основывается на предпосылке прямо противоположной исходному предположению, или презумпции, первого. Здесь уже разумность понимается как фактор, не разрушающий устойчивость формы некоторого явления, а, наоборот, существенным образом определяющий ее. Хорошим примером реализации этого подхода, анализ которого позволит нам далее сделать некоторые выводы, может служить представление об оптимальном (рациональном) выборе [8; 12], известное уже в античности [5; 14] и широко используемое в современной науке. Выбор в этом случае предстает как достаточно жестко определенная интеллектуальная структура и соответствующая процедура ее преобразования, поддающиеся исчерпывающему (в смысле достаточному для реализации фиксированных целей) описанию. Это описание в виде обязательных элементов должно включать, *во-первых*, знание всех возможных способов действия, иначе говоря, альтернатив, которыми располагает принимающий решение субъект, *во-вторых*, наличие определенных методик оценки каждого из них и сравнительного сопоставления альтернатив между собой по этим основаниям и, *в-третьих*, знание критериев оптимальности, по которым должен быть выделен один (или в некоторых случаях несколько) из существующих вариантов действий и принят в качестве решения, т. е. плана, подлежащего последующей реализации.

В течение не одного столетия эпизодически возникают дискуссии по поводу того, в какой степени данная модель выбора и принятия решений соответствует реальному мышлению и действиям отдельных людей или коллективов. Среди тех, кто усматривает здесь наличие существенной связи, одни считают, что решения, по крайней мере, в большинстве случаев, принимаются на практике по указанной выше схеме. Иными словами, эта модель выбора имманентно присуща поведению и организации мышления людей, если это происходит в обычных, а не в аномальных условиях. По мнению других, в этом случае хотя и имеется определенная и достаточно существенная связь, однако она носит (всего лишь) *нормативный* по своей природе характер. А это значит, что разрабатываемые на основе указанного представления теории (а их к настоящему времени существует довольно много в математике и логике) могут быть рекомендованы или предложены с той или иной степенью условности в качестве средства для разработки реальных решений. Известны аргументы, в том числе и философского плана, обосновывающие правильность рассматриваемой модели выбора, и разработаны способы внедрения соответствующих теорий в практику. Как считает, например, Г. Райфа, функции специалиста по принятию решений – «аналитика» – заключаются в том, что он «помогает организовать и структурировать мыслительный процесс принимающего решение» [7, с. 342]. Помогать в данном случае подразумевает также и возможность предписывать, нормировать, определенным образом обуславливать, влиять и т.п.

Однако независимо от того, каким именно образом рассматриваемая модель выбора оказывается присущей реальному мышлению – происходит ли это потому, что такова его «природа» или здесь срабатывают какие-то культурные механизмы, либо даже некоторого рода субъективные устремления – оно (мышление) в результате приобретает такие черты как *устойчивость, упорядоченность и законосообразность*. В результате возникает именно та форма, которая отвечает важнейшим требованиям методологии научного познания и делает соответствующий объект рациональным. Рациональным в том смысле, который отвечает первой из охарактеризованных выше трактовок разумности, а именно – разумности, или же рациональности, как особому свойству или характеристике, которое может быть присуще определенному роду вещам или процессам. Если же эта форма имеет место и она известна в общих существенных чертах, то возникает важнейшая предпосылка, способная обуславливать устойчивые изменения, как в самой практике

соответствующей духовной деятельности, так и в ее регулятивных основаниях.

Прежде всего, выработка решений становится для того, кто их принимает, систематической, контролируемой, осознанной, воспроизводимой и универсально осуществимой процедурой, методика которой к тому же поддается объективации. Последнее означает, что помимо самого решения как плана действий могут быть представлены на «публичный суд» – коммуницированы – и его основания. Кроме того, само принятие решений в качестве субъективной деятельности может в этих условиях подвергаться систематической рационализации, т.е. совершенствоваться на основе специальных знаний и преемственности интеллектуальных традиций. Другими словами, возникает культурный процесс, благодаря которому способность принимать решения, можно сказать, перестает быть прерогативой индивидуального мастерства и таланта и превращается в науку. Все это в определенном смысле улучшает соответствующую деятельность и может служить одним из оснований для внедрения рассматриваемой модели выбора в практику принятия решений. Хотя в то же время не устраняется все же и риск того, что вырабатываемые таким образом планы действий могут оказываться в известных ситуациях не самыми лучшими. В качестве недостатков в этой связи указывают обычно на отсутствие у такого рода планов действий, т.е. решений, принципиальной новизны, а в процессах принятия и выработки решений – творчества, на то также, что исходный круг альтернатив, на которых основывается выбор, может не охватывать все в действительности существующие возможности и т.п.

Вместе с тем устойчивость и законосообразность формы, которую приобретают мышление и поведение в результате указанного выше процесса, относятся к условиям, определяющим возможность их научно-теоретического познания. Речь в данном случае идет уже не о том, что мышление, как и все, что существует, доступно познанию, в смысле соответствующего философско-мировоззренческого постулата о познаваемости мира, решающего эту проблему, что называется – в принципе, а о чем-то существенно большем. Теперь уже имеется в наличии тот идеальный объект (теоретическая схема), в горизонте которого это мышление может стать предметом систематического научного исследования. Другими словами, требования научной методологии становятся в этом случае реализуемыми и могут быть получены знания, позволяющие, скажем, прогнозировать изменения соответствующего объекта. Вместе с этим открываются также перспективы для решения комплекса технических задач, относящихся к

сфере разработки искусственного интеллекта, автоматизации управления и др.

В результате, как мы видим, здесь возникает ситуация, в которой две, в достаточной степени независимые одна от другой, области человеческой практики – принятие решений как некоторая духовная деятельность в своем, так сказать, имманентном существовании, с одной стороны, и научное познание и связанная с ним сфера технических реализаций, с другой, – оказываются существенно *взаимозависимыми*. В этой взаимозависимости нам стоит выделить *два* существенных момента.

Первый из них, одна из участвующих сторон, а именно научная практика, оказывается «заинтересованной» в том, чтобы другая реализовалась через определенные формы. В итоге эти формы или какие-то их черты приобретаются духовной деятельностью не столько за счет ее самостоятельного имманентного развития, связанного с выполнением ею определенных функций, но прежде всего под воздействием некоторого *внешнего* для нее фактора.

Второй – идеальный объект, являющийся важным конструктивным элементом познавательной деятельности, и та форма, посредством которой осуществляется процесс принятия решений, оказываются содержательно тождественными. Иначе говоря, человеческая практика в определенных, по крайней мере, ее аспектах в данном случае *подстраивается* под существующую теорию – теорию, которая должна была бы эту практику, согласно основным постулатам научного (или, точнее, естественнонаучного) метода, ее только *отобразить*. Последнее, правда, имеет место не всегда, но это достаточно типично для соответствующих сфер духовной практики и обычно считается само собой разумеющимся. В наличии такого рода возможности как раз и заключается одно из существенных отличий «природы» объектов гуманитарного познания от объектов, изучаемых собственно естественными науками. Рациональность первых нередко создается людьми и имеет искусственное происхождение, хотя эта искусственность не всегда и осознается, в то время как вторых – дана, что называется, от бога.

Влияние рефлексии

Существование указанных выше связей, их постоянное воспроизводство в деятельности, естественно, приводит к сближению соответствующих видов духовной практики. Подобное сближение характерно, однако, не только для сферы принятия решений. Можно было

бы рассмотреть некоторые другие представления, взятые из различных разделов логики, методологии научного и технического творчества, психологии, теоретического языкознания и т.д., и прийти к аналогичным выводам. Учитывая это, можно говорить уже о том, что имеет место определенное влияние методологии научного познания в качестве специфической формы деятельности (точнее было бы сказать, естественнонаучного познания, то есть того, которое направлено на природные, чувственно воспринимаемые объекты) на организацию и способы осуществления определенных аспектов духовной деятельности в целом.

Параллельно изменениям, которые происходят на уровне практики и определяются на первых порах лишь тем, что нечто может быть реализовано, начинают формироваться и соответствующие им и, по сути, производные от них регулятивные основания. Формирование и закрепление этих последних – процесс, имеющий свою «логику», которая обуславливается, в частности, сложившимися культурными формами, присущими также и далеко не в последнюю очередь *рефлексивной* сфере сознания. В этой сфере складываются структуры, фиксирующие изменения духовной практики, однако соответствующее «изображение» имеет достаточно специфический вид. Прежде всего, те новообразования, которые в деятельности лишь формируются, на уровне рефлексивного отображения подвергаются идеализации, приобретают всеобщий и необходимый характер и перед ними, можно сказать, открываются «космические» перспективы. Строится «картина мира», в рамках которой соответствующие представления, относящиеся к составу регулятивных оснований мышления, остаются без каких-либо альтернатив. Таково одно из направлений, или тенденций, развития, присущих методологической рефлексии во многих, если не во всех областях специализированного мышления. Это направление, предельно упростив, можно свести к следующему положению: *от простой констатации и описания – к обоснованию философскими средствами и, соответственно, к последующей абсолютизации.*

Вместе с тем такого рода «рефлексивное воспроизведение» осуществляется, как правило, на основе превращенных форм знания и оказывается не прямым, а всего лишь, что называется, косвенным. Действительные истоки методологических новообразований остаются при этом не выявленными, а участвующие во всем этом процессе образования сознания начинают преобразовываться и существовать в рамках эпистемы предметного мышления. Здесь же формируется представление об определенных сущностях, или вещах, бытие которых

объективно и которые обуславливают содержание этих образований. Соответствующее мышление сознательно строится как оперирование этими квазипредметностями. На это обстоятельство, по всей вероятности, впервые обратил особое внимание И.Кант: регулятивные идеи, действительный смысл которых заключается в организации мышления, в научной деятельности обычно соотносятся с некоторыми представлениями, благодаря которым они получают статус предметного знания, и, вместо того, чтобы подчиняться «дисциплине чистого разума», попадают в формальную «юрисдикцию» рассудка. Таковы достаточно характерные условия, в которых происходит становление методологических оснований научной деятельности. Обуславливается это развитие в значительной мере изменениями, относящимися к уровню соответствующей духовной практики, а в рефлексивной сфере при этом доминирует установка, ориентирующая сознание на нечто другое, на поиск и описание некоторых предметных (или, как мы уже выяснили, квазипредметных) сущностей.

В связи со всеми этими процессами могут наблюдаться изменения в рамках соответствующих методологических исследований, связанные с постановкой новых проблем, трансформацией смыслов используемых понятий и др. Обычно все это воспринимается как естественное развитие знаний в направлении их конкретизации и углубления. Однако в нашем случае причина в другом: меняются те «подземные воды», которые питают и, в конечном счете, обуславливают содержание методологической рефлексии на всех ее уровнях. Все это не исключает, конечно, и того, что на нее при этом оказывает влияние и целый ряд других факторов – социальных, культурных и т.п. Но эти последние в большей степени определяют не столько содержание регулятивных оснований мышления, сколько, так сказать, их внешний вид (форму), и, возможно, также в какой-то мере характер протекания рефлексивных процессов и частично, по всей видимости, некоторые механизмы самой рефлексии.

Взаимопроникновение подходов

Рассматриваемые нами в настоящем исследовании различные точки зрения на природу разумности представляют собой, помимо прочего, рефлексивные образования, воспроизводящие и фиксирующие определенные черты, присущие двум различающимся, хотя и в определенных отношениях связанным, сферам духовной практики. Идеализации, выражающие существо этих точек зрения, вырабатывались тогда, когда эти виды деятельности развивались в достаточной степени

обособленно. В каждой из них культивировался свой способ мышления, и складывалось отвечающее ему самосознание.

Определенные характеристики каждого из этих способов мышления – те из них, которые, по-видимому, оказались наиболее устойчивыми и универсальными, – получили отображение в сознании в виде определенных идеализаций, которые при этом осваивались также посредством философских теорий и т.д. Но нас в данном случае, прежде всего, интересуют их методологическая и, можно сказать, конституирующая роли. В этом смысле подобные образования сознания, с одной стороны, выражают некоторый «предел», то есть фиксируют определенное представление или положение, за рамки которого мысль, постигающая известную область существующего, не может или не должна выходить. С другой – эти же образования «задают» одну из «сторон», или границ, определенного пространства мышления, иначе говоря, сферы, объединяющей все возможности последующих конкретизаций и развития мысли. Указанные идеализации – это те интеллектуальные основания, на которых строятся сознательные, целенаправленные действия в той или иной области. И в той мере, в какой эти действия охватываются подобного рода образованиями, пронизываются ими, соответствующие виды деятельности и могут быть целенаправленными.

Разумность, понимаемая в качестве свойства, в идеализированном виде выражает вместе с тем некоторую предпосылку, обуславливающую также возможность познания соответствующих объектов в качестве «внешних», иначе говоря, полагаемых – мыслимых – именно таким образом. При этом подразумевается обязательная реализуемость методологического разграничения субъективного и объективного. Разумность в данном понимании может характеризовать только второе. В то же время разумность, трактуемая как способность, указанным обстоятельством, к примеру, уже не обуславливается. Здесь предполагается лишь возможность получения определенных результатов посредством субъективных усилий, за счет некоторой достаточно широко понимаемой человеческой деятельности (если речь в данном случае идет, конечно, о людях). Соответствующая совокупность базовых идеализаций в этих условиях уже не предполагает обязательную постановку вопросов о том, какова эта деятельность «в себе», за счет каких механизмов она осуществляется, почему она происходит, что ее формирует и т.д. Подобные проблемы могут возникать только в процессе последующих конкретизаций, осуществление которых требует привнесения в соответствующую сферу каких-то дополнительных интеллектуальных средств.

Под воздействием описанного выше процесса сближения двух сфер духовной практики, а точнее сказать, в рамках последнего, соответствующие идеализации и связанные с ними точки зрения, касающиеся природы рациональности, также начинают сближаться и даже переходить одна в другую. В итоге возникают интеллектуальные структуры, способные направлять уже несколько по-другому постановку соответствующей проблематики и влиять на характер ее разработки. Если же эти структуры за счет, к примеру, рефлексии абсолютизируются, т. е. получают статус предельных идеализаций и в этом качестве начинают функционировать, то изменяется и то, что выше было названо пространством мышления. Применительно к нашему случаю оно «сужается», становится, может быть, более определенным, зато теряет в плане заключенных в нем степеней свободы, открытости в сторону возможных модификаций и творчества.

Специализированное мышление в свете идеала естественнонаучной рациональности

Представление о рациональности мышления, присущее методологическому самосознанию современной науки, рядом своих специфических черт обязано, как нам представляется, именно такого рода процессу. При этом имеются в виду, прежде всего, не рациональность или иррациональность как характеристики самого научного (или какого-либо другого) мышления, а ту идею исоответственно идеал, на основе которых ставятся релевантные вопросы и ищутся на них ответы. Попробуем теперь эксплицировать некоторые из тех идеализаций, которые лежат в основе соответствующей интенциональности современных методологических размышлений, и поставим вопрос об их происхождении.

Результаты исследований стандартов рациональности в философии науки всегда являются в известной степени выражением компромисса между основаниями указанной интенциональности, выступающими здесь в роли «скрытых» требований, и известными на данный момент фактами, касающимися собственно научной деятельности. Ориентация на подобный компромисс – одна из особенностей нормативных подходов в современных научных исследованиях. Принято считать, что нормы должны быть все же по возможности конструктивными, а не утопическими. Однако чтобы обнаружить те презумпции сознания, которые «задают» интеллектуальную «рамку» этих исследований, проблеме необходимо поставить в некоторой иной, теперь уже

сверхнормативной плоскости: так примерно, как это делалось в классической философии, когда речь шла о божественном разуме. Методология современных исследований разумности, по существу, исключила из числа своих средств подобные «идеализирующие» модели рассуждений, заменив их теми, которые определяются принципом реальности, и утратила вместе с этим известные возможности рефлексивного контроля над своими собственными основаниями.

Чтобы хоть в какой-то мере реализовать то, что мы здесь наметили, можно воспользоваться приемом, позволяющим осуществить требуемое исследование, не прибегая при этом к чему-то особенно таинственному или хотя бы принципиально новому и исключительному. Встав на позиции современной философии и методологии науки, попробуем вообразить себе научное, а в более широком плане любое специализированное мышление, которое было бы *предельнорациональным*. Это можно сделать, если отвлечься, в частности, от представлений обо всех тех факторах, которые ее в действительности ограничивают. Такое предельно рациональное мышление должно было бы обладать, вероятнее всего, по меньшей мере, следующими характерными особенностями, или чертами.

1. В самом общем виде это мышление можно определить, как духовную деятельность, реализующуюся через вполне определенную *форму* (как мы видим, в данном положении объединяются два хорошо известных нам понимания разумности). Этой форме должны быть присущи такие характеристики, как *порядок, устойчивость, воспроизводимость* и т.п.

2. Указанная форма должна при этом *охватывать и связывать* между собой все существенные компоненты соответствующего мышления. Благодаря этому устанавливается определенная *законосообразность*, которая затем может быть познана и наличие которой делает само познание соответствующего феномена (т.е. мышления как известного рода процесса и деятельности) *принципиально возможным*. Смысл рациональности в данном случае заключается прежде всего в обеспечении самой возможности определенного рода познания, вне зависимости от того, в каких формах она будет в тех или иных условиях реализована.

3. Рациональное мышление не может быть непосредственным и спонтанным, напротив, оно всегда должно быть *опосредованным*. Если говорить конкретнее, то применительно к рассматриваемому случаю (т.е. прежде всего к науке) оно всегда обязано быть *осознанным, обоснованным, в том числе, как считают многие, эмпирически подтвержденным, целенаправленным, сознательно контролируемым*. Это касается, если и не всех, то по крайней мере большей части его

наиболее существенных аспектов. Тотальность упомянутой выше формы создает в данном случае необходимое условие для этого. Но, что здесь принципиально важно, так это то, что одним из главных, если и не единственным в определенных условиях фактором, обуславливающим наличие указанной выше законосообразности или, иначе говоря, устойчивой и связной (рациональной и умопостигаемой) формы, оказывается сама эта осознанность. Существенным же элементом данной осознанности является как раз методологическая рефлексия, полагаемая в данном случае в качестве структурного компонента соответствующего мышления или духовного процесса.

4. И, наконец, последнее: допускается принципиальная возможность искусственного воспроизведения такого рода мышления, технического осуществления его на основе знания [9] и, вероятно, – но это уже более сильное утверждение – можно предположить, что формы и организация, присущие такому мышлению, могли бы произвольно проектироваться субъектом соответствующей деятельности.

Заключение

Указания на эти четыре особенности предельно рационального мышления достаточно для того, чтобы сделать некоторые выводы. Нетрудно заметить, что первые три из этих характеристик происходят, если можно так выразиться, из опыта естественнонаучного познания мира. Согласно этой точке зрения, если ее выразить суммарно, рациональным оказывается все (и прежде всего интересующее нас мышление как центральный объект всякой рефлексии), что имеет основание, придающее тому, что воспринимается в качестве рационального, законосообразность, устойчивость, воспроизводимость, а также по возможности или точнее в зависимости от набора определенных условий целесообразность и обоснованность. Четвертая же из указанных характеристик – трансформированный элемент технического мировоззрения. Кстати, понимание разумности как искусственного объекта проявляется не только в области разработок, связанных, скажем, с компьютерным моделированием мышления, но его достаточно отчетливые следы можно встретить и в методологических исследованиях науки. Вместе с тем все эти характеристики относятся к основам, определяющим известную направленность, присущую методологическому самосознанию науки, и объективируются они в нем в виде проблематики, связанной с феноменом рациональности. Учитывая сказанное, можно утверждать, что все это движение мысли есть, по

существо, лишь форма (или, возможно, только одна из такого рода форм), в которой происходит проникновение естественнонаучной и технической методологии в вполне определенную сферу духовной культуры. Однако эта область – рефлексия, – являющаяся элементом структурной организации любой деятельности, в том числе естественнонаучной и технической, всегда представляет в ней так называемое «человеческое измерение», о чем уже немало написано в философской и методологической литературе. В связи с этим в рамках того аспекта проблемы рациональности, который мы рассмотрели, обнаруживается одно из направлений сциентизации методологического самосознания науки – явления в целом более широкого и в то же время достаточно характерного для ее современного состояния.

Что же касается самого феномена рациональности, то он, конечно же, достаточно многомерен. Мы попытались в данном случае только вскрыть некоторые его истоки и показать связанные с ними тенденции, не претендуя в то же время на окончательные и сколько-нибудь радикальные выводы.

1. Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям.– М.: Радио и связь, 1982.– 368 с.
2. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы “круглого стола”) //Вопросы философии. 2007. №6.– С. 57-82.
3. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума.– М.: Прогресс, 1978.– 334 с.
4. Культура и рациональность. Интервью с А.В.Смирновым // Вопросы философии. 2007. №1.– С. 16-25.
5. Ополев В.Т. Парадигма оптимальности: античные истоки / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип.8. Грецька традиція в сучасній культурі.– Одесса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2005. – С. 16–22.
6. Ополев В. Т. Феномен мышления в перспективе идеала естественнонаучной рациональности.– В печати.
7. Райфа Г. Анализ решений. – М.: Наука, 1977. – 407 с.
8. Рузавин Г.И. Теория рационального выбора и границы ее применения в социально-гуманитарном познании //Вопросы философии. 2003. №5.– С. 57-70.
9. Системно-кибернетические аспекты познания.– Рига: Зинатне, 1985.– 324 с.
10. Смирнов А.В. Соизмеримы ли основания рациональности в разных философских традициях //Вопросы философии. 1999. №3.– С168-188.
11. Тулмин Ст. Человеческое понимание.– М.: Прогресс, 1984.–327 с.

12. Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка.– М.: Прогресс, 1986. – С. 139-159.
13. Хьюбнер К. Критика научного разума.– М.: Институт философии РАН, 1994.– 326 с.
14. Черняк В.С. Мифологические истоки научной рациональности // Вопросы философии. 1994. №9.– С. 37-52.